

A painting depicting a soldier and a woman in military uniforms standing in a field, looking towards a range of snow-capped mountains under a cloudy sky. The soldier is on the left, wearing a brown uniform and a cap, with a satchel on his back. The woman is on the right, wearing a dark green uniform and a hooded cloak, also with a satchel. The landscape is a mix of green fields and yellow grass, with a small village visible in the distance. The overall mood is contemplative and somber.

Мударис Мусифуллин

Последняя верста

Мударис Мусифуллин

Последняя верста

«Автор»

2026

Мусифуллин М.

Последняя верста / М. Мусифуллин — «Автор», 2026

В произведении рассказывается о судьбе двух солдат — отца и сына, прошедших через две мировые войны. Отец был в плену в Германии во время Первой мировой, а его сын Закир (односельчанин автора) в Великую Отечественную войну с 1941 по 1945 год был узником концлагеря «Бухенвальд». В повести описаны не только ужасы нацистского лагеря, но и трагический путь героя после освобождения: сталинские лагеря в Сибири и долгожданное возвращение домой через девятнадцать лет разлуки с матерью, женой и дочерью.

© Мусифуллин М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	20
Глава 5	21
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Мударис Мусифуллин

Последняя верста

Перевод с башкирского Замиры Мироновой

(повесть)

Глава 1

Несмотря на беспощадно палящее солнце, престарелая бабушка Мунира собиралась в очередной раз в дорогу. Пророк Мухаммед – мир ему – сказал: «Ходите на кладбище, учитесь – это место, напоминающее о смерти».

Мунира совершила омовение прохладной водой и расстелила молитвенный коврик. Совершив утренний намаз, она несколько минут посидела в тишине, перебирая чётки и вспоминая аяты из Корана. Лишь затем, с чувством благодати и спокойствия в душе, она поставила самовар, попила чай, аккуратно прибрала свою постель и принялась наводить порядок в доме. Драгоценную Книгу она бережно переложила на верхнюю полку шкафа и накрыла вышитой салфеткой.

Поверх любимого платья в мелкий цветочек надела безрукавку, повязала на голову кашемировый платок и, подойдя к двери, надела на ноги белые носки с резиновыми галошами.

Сегодня Мунире предстояло пройти целую версту до сельского кладбища! Четвёртый день, как её супруг Закир покинул этот мир и отправился в вечность. Молодой мулла с густой бородой и усами, приехавший из мечети села Узьян на похороны, объявил: «На кладбище идут только мужчины». Женщины, собравшиеся проводить покойного в последний путь, остались у ворот дома – кто-то плакал, некоторые наблюдали молча, махали руками вслед. Почувствовав это, Мунира предупредила дочь Таскиру.

– Дочка, я должна проводить в последний путь Закира, но пешком мне не дойти – совсем нет сил, ночь не спала.

Мать с дочерью, стоя у ограды наблюдали за происходящим на кладбище. Было жарко. Редкие густые сизые облака, проплывавшие между солнцем и Землёй, своей тенью давали мужчинам передышку.

Долго читавший молитву мулла наконец спросил собравшихся:

– Скажите же, люди, каким человеком был усопший? – Оглядев собравшихся, он стал ждать ответа.

Все те, кто там находился переглянулись и зашептали: «Хороший он был, хороший...».

– Да, да, – подтвердила и Мунира, присоединяясь к ним.

Мулла снова спросил:

– Скажите: не осталось ли за покойным долгов?

– Нет, нет, – ответили участники обряда.

Мулла прочитал молитву, провёл ладонями по щекам. – Да упокоит Аллах его душу, люди!

Толпа оживилась. В вырытую яму спрыгнули самые близкие покойного: зять Фарит, внук Зариф и сосед Фатих. Несколько мужчин, оставшихся наверху, подхватили тело покойника, завернутое в белый саван, и осторожно поднесли к могиле, держа за специально приготовленные покрытые вышивкой полотенца. Те, кто стоял внизу, протянули руки, приняли его и осторожно опустили на дно.

Мунира крепче сжала руку дочери. «Прощай, мой Закир, частица души моей... В третий раз теряю тебя – на этот раз навсегда...»

Таскира, прижавшись к материнской груди, продолжала тихо плакать.

– И меня... похорони рядом с отцом, слышишь, дочка? – прошептала Мунира.

Таскира, уткнувшись мокрым от слёз лицом в плечо матери, не нашла иного выхода, кроме как покорно кивнуть в знак согласия.

Прошло не так много времени – яма заполнилась землёй, и над ней вырос холм свежей могилы.

Глава 2

Мунира вышла из дома и открыла дверь сеней во двор. Едва она шагнула из прохлады через порог, ее обдала густая волна жара – точно паром из бани. «Сегодня будет тяжелее, – пробормотала она недовольно, с досадой. – Ай, Аллах, какая невыносимая духота! Надо мне ещё немного посидеть, а то упадёшь где-нибудь от жары. Поспешись – людей насмешишь...»

Во дворе давно не было ни скота, ни птицы, все заросло травой, лапчаткой гусиной. Последние годы здоровье подводило: особенно дали о себе знать военные годы. Коров и овец продали три года назад, индюшек, громкоголосого петуха и кур – в прошлом году...

Мунира сорвала несколько листьев и верхушку молодой полыни, которая вот-вот показалась около забора и присела на покосившуюся ступеньку. «Полынь – трава горькая! – подумала она, понюхав несколько раз. – Как и моя жизнь!» Горьковатый запах, ударивший в нос, взбодрил ее. И резко оживил в памяти события тех первых майских дней, когда вся страна готовилась к Дню Победы...

А накануне зашёл односельчанин, бригадир Марат и предупредил их об этом. «Приберите дом и двор... Стол для чая приготовьте...»

Едва он ушёл, Мунира принялась за работу. Лишнюю одежду убрала в шкаф, постель аккуратно сложила на крышке сундука. Вымыла оконные стекла. Полила цветы, подмела пол и застелила его паласами, выбив их от пыли во дворе. Достала из сундука свою любимую рубашку – ту самую, что когда-то сшила для любимого, – и принялась гладить.

А Закир тем временем собрал и выбросил осенние сорняки, оставшиеся вдоль двора, ворот, калитки. Раскидал снег, не растаявший в тени дома.

Несмотря на поздний час, Закир не мог уснуть. «Придут они или нет?.. Хотя бригадир сам лично заходил предупредить...»

С приближением Дня Победы в его голове крутились тревожные мысли, сомнения и подозрения. Муки и невыносимые страдания, перенесённые в фашистском концлагере «Бухенвальд» во время Великой Отечественной войны, жестокая борьба за выживание, а потом и события в Советских лагерях – всё это, особенно в последние дни – не отпускало, не давая покоя.

Закир некоторое время лежал, прислушиваясь к тиканью стальных часов. «Вот оно, время – никому не подчиняется, течёт себе и течёт... И жизнь проходит вслед за ним...»

Казалось, совсем недавно он пошёл в первый класс. Стал пионером. Как же гордился треугольным красным галстуком в школьные годы! Поездка с родителями в районный центр на базар превращалась в незабываемый праздник. Где теперь тот яркий, необычный мир!.. Отец покупал какую-нибудь игрушку, мама угощала вкусностями. Вокруг – незнакомые люди, словно в муравейнике.

В стороне была отдельная площадка для скота. Там продавали овец, коз и крупный рогатый скот. Сколько лет прошло с тех пор, как отец Гарифзян поехал продавать корову, нежданно-негаданно вернулся с лошастью – привёл Жирянку.

Сколько себя помнил Закир, отец занимался кузнечным делом. Никогда не отказывал тем, кто приходил за помощью: чинил посуду, запаивал дырявые самовары, ковал подковы, правил и чинил плуг и бороны, мастерил колёса из металла и дерева. Как-то раз он даже смастерил для председателя колхоза красивую узорчатую тележку и картофелекопалку, которая

прицеплялась к лошади, чем удивил односельчан. «В Германии, в плену научился, – тихо говорил Гарифзян жене Гульсаре. – Когда работал у богатого немца Хейнемана, я помогал кузнецу Гансу, он-то и раскрыл мне все тонкости этого ремесла. Говорят, кто владеет ремеслом, тот не умрёт с голоду, а кто не владеет, тот и дня не проживёт. Вот и я постараюсь ремесло передать сыну Закиру, как получится?..»

Ох, как где-то далеко позади остались детские годы!.. Помню, в деревне организовали колхоз «Путь Ленина». Отца выбрали председателем колхоза, а бухгалтером – Исаака Галиева. Вскоре, так как Ишнарат был малонаселённым и расположен всего в двух верстах от большого села Узьян, их объединили. Образовался новый сельский совет с двумя населёнными пунктами и один крупный колхоз «Алга». Избрали состав правления и председателя. Позже, после долгих споров, приняли устав. Школьники устроили концерт. Закир тоже участвовал – читал стихи о великом Сталине. В этом центральном селе действительно было больше возможностей для развития и укрепления коллективного хозяйства: «врагами народа» были объявлены муллы, изгнанные из аула, и бывшие баи, а их оставшиеся зерновые амбары стали колхозными. Просторные дома использовали под здания сельского совета, правления колхоза, школы, расположились и другие учреждения.

В 1933 году, кажется, отец взял Закира с собой в поле.

– До этого мы сеяли зерно вручную, – рассказывал сыну Гарифзян, погнав лошадь. – В этом году впервые должны привезти трактор и сеялку из МТС для посева пшеницы на полях село Узьян. В прошлый раз, когда ездил в райцентр, заходил на ту станцию, посмотрел технику, произведённую в Америке и у нас. Теперь хочется любоваться, как они себя покажут на поле. «Станция, трактор и сеялка?..» Закиру действительно стало интересно.

Вскоре у края поля собрались старики, взрослые, дети. Все с любопытством смотрели на дорогу, ведущую из районного центра. Вот вдаль поднялось облако пыли и послышался грохочущий звук. Из-за холма на четырёх колёсах появился «трактор» – к нему было прицеплено приспособление с двумя большими колёсами по бокам: это, видимо, и есть та самая сеялка, о которой говорил отец. Дети бросились навстречу с шумом и криками «трактор, трактор!». Наверху сидел мужчина, поворачивая колесо из стороны в сторону, а из трубы валил дым. Трактор, обогнав людей проехал мимо, свернул с дороги и остановился у края поля. Грохот стих. Мужчины подошли ближе, окружили трактор и сеялку, разглядывали, спорили между собой.

Человек, разговаривавший с председателем колхоза – видимо, какой-то начальник из районного центра. Густые брови, полные губы, на голове шляпа, длинный светлый плащ, брюки, на ногах шнурованные ботинки. Он – как белая ворона отделялся от других. Местные же были в рубахах из разной ткани, в холщовых штанах, в лаптях, надетых поверх шерстяных носков. Многие мальчишки – босиком.

Председатель колхоза, коротко поприветствовал собравшихся, затем передал слово приезжему незнакомцу.

– Слово предоставляется главному агроному МТС района товарищу Исакову.

– Уважаемые крестьяне, колхозники, друзья! – громко начал он. – В 1930 году в районном центре была организована МТС – машинно-тракторная станция. В том же году завезли из Америки десять тракторов «Кейс», а позже начали использовать технику марки «Фордзон-Путиловец», произведённые уже в нашей стране. В этом году для посевных и уборочных работ

мы задействуем двадцать пять тракторов, семь комбайнов, двадцать пять тракторных сеялок, более сотни молотилок для лошадей и зерновых жаток. Надеемся, что внедрение новой техники поможет повысить производительность труда, улучшить урожайность и ускорить выполнение сельскохозяйственных работ!..

Первым заплодировал председатель колхоза. Остальные присоединились к нему.

Вскоре на поле оставили только сеяльчиков. Хотя всем было интересно наблюдать, но по указанию председателя колхоза народ постепенно неохотно разошёлся. Многие встали в стороне, наблюдая издалека. Даже ребятня не спешила уходить – уселись на пригорке и смотрели оттуда.

Закир несколько дней ходил потрясённым от увиденного. Гарифзян тоже вернулся оттуда очень довольным и весёлым, целый вечер рассказывал жене о тракторе, механизированной сеялке, громко смеялся.

Как и прежде, Закир все свободное время проводил, помогая отцу. Изготовление подков и зубьев для бороны было его любимым занятием. Подростка завораживал раскалённый кусок железа: после каждого удара молота он послушно менял форму, а в разные стороны ослепительными брызгами разлетались искры. По вечерам он стал чаще участвовать в культурных мероприятиях, особенно в концертах и спектаклях, которые показывали в центральном клубе. В школьной агитбригаде читал стихи о великих Ленине и Сталине, о коллективных хозяйствах. С возрастом вступил в комсомол. Рос здоровым, сильным парнем – работа с большой кувалдой рядом с отцом пошла на пользу!

После окончания восьмого класса директор школы, учитель истории Хабиб-агай, посоветовавшись с отцом Гарифзяном, отправил юношу учиться в училище в близлежащем городе – на курсы подготовки учителей начальных классов. Учился с огромным желанием. Там же всерьёз увлёкся историей, и причина была проста. Отец более четырёх лет находился в плену в Германии во время Первой мировой войны. Гарифзян был немногословен, не любил вспоминать о тех годах, а Закир, честно говоря, не посмел расспрашивать...

Глава 3

В 1939 году педагогическое училище преобразовали в «институт учителей». Закир, успешно окончив курсы, собирался поступить туда, но директор школы воспротивился:

– Ты ещё молод, успеешь, а в школе и так не хватает учителей. Через год откроется заочное отделение – мы тебе дадим направление, – твёрдо заявил он.

А в следующем году во время сенокоса Закир влюбился в самую красивую девушку из деревни Бишнарат, быстро женился на ней и не смог оставить молодую жену одну – продолжил работать в школе...

В ноябре того же года произошло душераздирающее событие – началась война между Советским Союзом и Финляндией. Этот конфликт, продлившийся всего три месяца, народ впоследствии назвал «Зимней войной». До сих пор живо воспоминание. В один из холодных январских дней в селе Узьян состоялись похороны погибшего Сейфуллина Ислама. Рассказывали, что каким-то орденом был награждён. Присоединившись к остальным, Закир тоже ходил копать могилу, там и услышал. Поскольку он не видел военную награду своими глазами, ее название не удержал в памяти. После похорон Ислам-агая вернулся и Гимран, ушедший служить в армию два года назад. Он стал инвалидом – потерял левую руку на фронте. Сказали, что он лечился в московском госпитале. Не прошло и месяца, вернулся ещё один солдат, гармонист Валиулла. Он сильно хромал на правую ногу. Вначале мучился, ходил с палкой, потом бросил ее.

Закир, желая отвлечься от потока воспоминаний, взглянул на Муниру, лежавшую на диване. «Спит или просто так лежит?.. О, судьба, судьба! Сколько всего мы с ней видели, сколько пережили, моя душенька...»

Раньше, конечно, они спали вместе. Но в последнее время, когда Закир стал тяжело дышать, стонать от боли по ночам, Мунире пришлось перебраться на диван.

После свадьбы, как сейчас помнит, они ещё долго спали в доме на сакэ – деревянной широкой скамье, протянутой вдоль стены дома. На ночь их отделяла занавеска. С одной стороны – родители, с другой – они, молодые. Их «домом» была большая комната, деревянный сруб. Потолок и пол были из толстых досок.

В сторону улицы было прорублено одно окно. Войдя в дверь, справа от входа – стояла сложенная из кирпича печь. Рядом – закуток, пространство между стеной и печью, была клеть. Туда в зимние холода загоняли новорождённых телят и ягнят. Благодаря мастерству отца и неустанным трудам матери, которая день и ночь шила на швейной машинке «Зингер» одежду и другие вещи, у нас были медный самовар, сундук и множество другой утвари. Помню, как женщины собирались и раз в год мыли стены и потолки срубленной избы. Во многих домах стояли глинобитный очаг или железная печь у порога. В те времена, ещё до войны, в деревне не было самоваров. Поэтому чай в большинстве семей кипятили в казане. Трудно даже представить – в таких стеснённых условиях жили семьи с четырьмя, шестью, а то и больше детьми. Но никто не жаловался. К тому же, в тех домах часто жили и старики...

Закир, желая отвлечься от мыслей, осторожно сел, свесив ноги. Стараясь не скрипеть кроватью, он всё равно разбудил жену – та поднялась, прочла молитву, зажгла берёзовую лучину, по привычке принялась ставить самовар. Чай, кипячённый на газовой плите, они оба почему-то не любили.

Закир, быстро побрившись и умывшись, надел приготовленную Мунирой рубашку и сел за стол. Волосы уже отросли, но до праздника подстричься не успел. Из-за этого расстроился – придётся зачесать назад, чтобы скрыть и седину. Теперь, затягивая ремень, он застёгивает пряжку на новую дырку, чтобы брюки сидели плотнее.

«Придут или нет? Ох, хоть бы сегодня никто не помешал...» Даже за чаем Закир не отрывал взгляда от окна.

– Ночью ворочался, с кем-то разговаривал, – сказала Мунира, глядя на его усталое лицо. – Не переживай так раньше времени— бригадир Марат сам сказал, что они придут. Наберёмся терпения, подождём, душа моя.

– Ты так думаешь?

– Вчера слишком много ходил, устал, наверное.

– Ничего, не сдамся, душенька моя.

– Иди, иди, посиди на диване!

– Ладно...

Так, в тревоге и волнении, Закир ждал этот день. С каждым оторванным листком календаря, по мере приближения девятого мая, его сердце впервые за долгое время наполнялось радостью. «Может, наконец, в этот раз надежда сбудется? Поскорее бы настало 9 мая 1995 года – пятидесятилетие Великой Победы!..»

По правде говоря, раньше Закир не любил этот праздник и не ждал его. Но с 1965 года его начали отмечать с размахом, торжественно. Ветераны войны радовались, участвовали в торжественных собраниях, ходили на встречи в школы и организации, получали юбилейные медали. Открывали обелиски, памятники... А он, Закир Насибуллин – все так же «предатель да предатель...»

В этом году, в начале февраля его неожиданно вызвали с документами в райцентр – в военный комиссариат. Он поехал, боясь худшего, но вернулся с поднятой головой, словно заново «родился». Оказалось, президент России Борис Николаевич Ельцин подписал Указ, касающийся ветеранов войны, особенно бывших военнопленных. Подробности этого указа старательно объясняла круглолицая красивая девушка с большими чёрными глазами в сержантских погонах, работавшая там, очень подробно рассказывала о выплатах и льготах, но Закир так до конца не понял. Не беспокоили его душу ни деньги, ни льготы. В первую очередь для него было важно вернуть имя Советского солдата, незаслуженно опороченного, готового отдать жизнь за свою Родину!..

Не прошло и месяца, как снова позвонили из военкомата на почту село Узьян с повторным приглашением, но на этот раз сердце его сжалось, и он не решился ехать – отправил Таскиру. Когда дочь вернулась, она обрадовала отца: «Твои документы перепроверили, ждут ответа из центрального архива». В душе снова вселилась надежда.

Мунира выглянула в окно.

– Вот, две машины подъехали!

– Наконец-то!.. Среди них есть майор, военный?

– Есть.

– Он ли это?.. Сколько звёзд на погонах?

– Не вижу...

– Усы есть?

– Есть!

– Ого, сам майор приехал. В военкомате он сразу пришёлся мне по душе. Такого человеческого, внимательного, почтительного военного, честно говоря, раньше не встречал.

– Сзади ещё один идёт... с фотоаппаратом!

– Неужели и журналист приехал?

Первым в дверь вошёл энергичный с громким голосом глава сельского поселения Ханиф Вафич и, обернувшись:

– Прошу вас, Дамир Мунирович! – обратился к человеку, идущему за ним.

В дверях появился человек в чёрном костюме, белой рубашке, при синем галстуке с достоинством державшийся. За ним вошли – улыбающийся военный, затем председатель Совета ветеранов войны и труда Вали Исламович с двумя пакетами и парень с фотоаппаратом.

– Здравствуйте, мира Вам! —сказал человек в галстуке, оглядываясь по сторонам. – Как поживаете, Закир Гарифзянович, Мунира Нигматулловна?

– Благодарю, вашими молитвами! – ответил хозяин, пожимая руку. – Проходите, не стойте на пороге!

– Слава Аллаху – вставила Мунира, указывая на стулья. – Добро пожаловать! Садитесь!

Все, кроме журналиста, сказав «спасибо», сели. Удержав маленькую паузу, человек в черном костюме встал.

– Я заместитель главы администрации района Мазитов Дамир Мунирович! – представился он. – Мы приехали поздравить вас с праздником – 50-летием Великой Победы!

Тем временем глава сельского поселения взял у Вали Исламовича два пакета и поставил их на стол.

– Эти праздничные подарки вам, уважаемый Закир-агай и Мунира-апа!

– Слово Вам, товарищ военком! – обратился Мазитов к военному. Майор вышел вперёд и начал свою поздравительную речь.

– Федеральный закон «О ветеранах» был принят Государственной Думой 16 декабря 1994 года. Президент страны Борис Николаевич Ельцин подписал его в январе 1995-го, и теперь военнопленные Великой Отечественной войны получили равные права с ветеранами войны. Разрешите, уважаемый Закир Гарифзянович, вручить вам этот важный документ!

Все захлопали в ладоши. Майор, вручил удостоверение хозяину, крепко пожал его руку. Глаза Муниры наполнились слезами.

– К моменту окончания войны у Третьего рейха или, иначе говоря, гитлеровской Германии, было более 14 тысяч концлагерей и их филиалов. С 1937 по 1945 год через них прошло 18 миллионов узников из европейских стран, из которых 11 миллионов погибли от голода, пыток, болезней и медицинских экспериментов, – продолжил военком. – В «Бухенвальде», где вы находились в плену, например, погибли от голода, пыток, различных болезней, медицинских экспериментов 56 тысяч заключённых – представителей 18 национальностей. Вы, Закир Гарифзянович, один из тех героев, кто вынес на своих плечах весь ужас этой трагедии, и в то же время – живой свидетель! Разрешите ещё раз поздравить вас с праздником!

– Большое спасибо, товарищи! – сказал Закир, снова пожимая руку майору. – Простите, волнуюсь...

– Ничего, ничего, – сказал Ханиф Вафич, – в конце концов справедливость восторжествовала!

– Вали Исламович! У вас, наверное, тоже есть что сказать? – обратился Мазитов к невысокому мужчине.

– От имени районного Совета ветеранов поздравляю вас, дорогой земляк! Желаю вам и Мунире Нигматулловне здоровья, долгих лет счастливой совместной жизни! С праздником!

– Благодарю!..

– Спасибо новому военному комиссару, майору Иреку Зиннуровичу!
«Он уже помог второму бывшему узнику восстановить законные права», —сказал заместитель главы района, пожимая майору руку. – Кажется, фамилия того ветерана была Мухтаруллин?

– Да, да, – подтвердил Ирек Зиннурович и повернулся к Закиру. – Может, вы его знаете?

– Мухтаруллин?.. Знакомая фамилия... Вроде бы где-то слышал, но... не могу вспомнить, – ответил Закир задумавшись, и его «волосы встали дыбом», он вздрогнул. «Мухтаруллин?.. А-а-а, как же он может не знать?.. Когда его арестовали в городе Караганде, следователь, старший лейтенант, часто повторял эту фамилию. Это он, тот самый... кто написал донос: "Своими глазами видел, как Закир, надев фашистскую форму, агитировал вступить в легион генерала Власова!"»

Закир, чтобы поскорее отвлечься от неприятных воспоминаний, обратился к майору:

– Спасибо, сынок, большое спасибо! Будьте здоровы! – сказал он торопливо.

Снова раздались аплодисменты. На этот раз к ним присоединилась и Мунира. Молчаливый коренастый журналист с приятным лицом бесшумно перемещался по комнате, фотографируя и что-то записывая в блокнот.

– Прошу вас, уважаемые гости, чай...

– Нет-нет, Мунира апа, не беспокойтесь, – вежливо отказался глава сельского поселения, – нам и в Узяне ветеранов поздравить надо. Спасибо от всего сердца!

Гости, шумно переговариваясь и смеясь, вышли.

– Сколько лет я жил с клеймом «предателя», страдая несправедливо, – прошептал Закир со слезами на глазах, как только они ушли, разглядывая удостоверение. – А вот оно – доказательство! Печать, подпись... Наконец, хоть умру честным солдатом...

– Тс-с-с, не говори так! – сердито оборвала его Мунира. – Пожалуйста, не говори!

Уже на следующий день из школы села Узян пришли две сестры-ученицы. Готовясь к празднику, они собирали сведения о ветеранах войны и тыла. Старшую из них звали Лилия – она училась в седьмом классе, младшая, Ильмира, только закончила первый класс. Закир лежал, отдыхал, хотел было подняться, но Мунира остановила его.

– Лежи, слушай, душенька моя...

Школьницы задавали много вопросов.

– Дети, мы видели то, что другим не пожелаешь! – сказала Мунира, вспоминая молодые годы. – Особенно военные... Разве такое забудешь?

– Вы учились в школе?

– Да, я окончила семь классов, а дедушка Закир – учительские курсы. До войны он преподавал в школе села Узян. Мы и в пионерах, и в комсомоле состояли.

– Дедушка Закир до войны детей учил? – удивилась Лилия, не отрывая глаз от блокнота. – Нигде об этом не написано.

– Всего два года проработал, наверное, забыли...

– А вы сами чем занимались, бабушка Мунира?

– После школы бралась за любую работу. Во время войны, когда все мужчины ушли на фронт, не осталось дела, которого бы не делали. По вечерам вязали носки и варежки для солдат, сушили картошку... В колхозе жали рожь, собирали горох, заготавливали сено, связывали снопы, рубили лес, коров и быков запрягали, пахали землю на коровах и быках, боронили, сеяли, жали.

– На... коровах и быках пахали? – Ильмира растерянно посмотрела то на Муниру, то на сестру. – А... лошади?

– Когда война началась, самых крепких и выносливых забрали на фронт, дочка, – сказала Мунира, ласково погладив Ильмиру по спине.

– Интересно, я думала, на войну только люди уходили, – сказала Лилия, что-то записывая. – Расскажите ещё, бабушка Мунира.

– Ещё?.. Весну, лето и осень ждали. После посевной в полях созревали разные полезные травы, в лесу – ягоды, в сосновом лесу росли грибы. Если сказать, что вся моя жизнь прошла на ферме – не ошибётесь: до пенсии работала и дояркой, и телятницей.

– Моя бабушка написала, что они ели «лебеду, крапиву, конский щавель, жёлуди, сныть», – прочитала Лилия из блокнота. – А вы?

– Забыли про гнилой картофель...

– Его тоже что ли ели?

– Да, картошку, что осталась закопанной с прошлого года. Такие же, как вы дети, весной в грязи, в лаптях, отмораживали ноги, копались в холодной земле, искали клубни. Если находили – были счастливы! Старшие пекли из них лепёшки.

– Интересно... Когда мы сажаем картошку, такие гнилые собираем и выбрасываем.

– Ии-и-и, девочки мои, детки... Картошка во время войны была нашей главной едой. Осенью, как я уже говорила, лучшие клубни мы чистили и сушили – отправляли на фронт. А чтобы на следующий год было что посадить, мы вырезали только глазки. Глазки, чтобы не сгнили, обмакивали в золе и берегли до весны, а потом сажали. Многие в те годы...

У Муниры в горле встал ком. «Ой-хай, разве можно рассказывать этим детям правду о том, что мы видели тогда?.. Голод, нищета... Лампы есть, а керосина нет. В деревне было всего две "чёрных бани" – землянки для мытья. Одна из них была у нас во дворе. Мы бросали в печь дрова, солому и мыли там детей. В домах – тараканы, клопы, блохи, детскую голову покрывали вши. Упаси Аллах!.. Страшно: сколько наших ровесников, односельчан, детей погибло от голода и болезней. Говорили, что некоторые семьи, чтобы выжить, ели крыс, кошек, собак... Было и такое... Нет, нет, как я могу рассказывать этим двум малышам об этих ужасах, этих трагедиях... Нет, язык не поворачивается...»

– Я люблю есть варёные яйца, – прервала тишину Ильмира. – А куры и петухи во время войны были, бабушка?

– Да, да, были, дочка, некоторые люди держали, – отвлекаясь от тяжёлых мыслей, ответила Мунира. – Но их было мало – кормить было нечем. Яйца собирали и отправляли на фронт... Было много чего и налоги, ценные бумаги – облигации. Кроме яиц, собирали мясо, молоко, овечью шерсть.

– Бабушка, а вы во время войны телевизор смотрели? – не унималась Ильмира. – А я люблю мультфильмы смотреть.

– Тихо сиди! – строго сказала старшая сестра. – Тогда в деревнях не было ни электричества, ни даже радио.

– Да, доченька, правильно... В центре села Узьян, на столбе, висел большой репродуктор, – вспомнила Мунира. – Люди собирались там, чтобы послушать последние новости. Сводки с фронта передавал мужчина с сильным голосом – по-русски. Позже мы узнали, что его фамилия – Левитан. Там же, стоя на площади, я услышала сообщение о Победе.

– Бабушка, а тогда в домах газ был?

– Ох, дочка, мы и слова такого не слышали. Слава Аллаху, сейчас и дом газом обогреваем, и еду на нём готовим. А во время войны людям даже рубить деревья в лесу запрещали. Только сухие ветки, упавшие, собирали. Дров не было – коровьим навозом топили.

– Коровьим навозом? – Ильмира сморщилась и повернулась к сестре. – Фу, гадость... Он же вонючий!

– Собирали только высохший, – вчера бабушка Замзамия тоже рассказывала, – сказала Лилия, показывая на блокнот. – Вот, я даже записала.

– Да и его надолго не хватало, – продолжила Мунира, снова погружаясь в воспоминания. – Многие в зимние холода стаскивали солому с крыш и топили ею.

– Крыши... они были покрыты соломой?

– А дедушка тоже участвовал в войне? – спросила Лилия, не обращая внимания на вопрос сестры.

Закир быстро протянул своё удостоверение Мунире. «Хорошо, что дети пришли сегодня, – обрадовалась она. – Если бы пришли на несколько дней раньше, что бы мы ответили на этот вопрос?»

– Да, да, дедушка тоже... воевал! – сказала Мунира, положив документ на стол. – Вот, посмотрите, дети!

Лилия внимательно изучила удостоверение, поворачивая в руках, и начала что-то записывать в блокнот. Мунира поправила одеяло Закира, пригладила ему волосы и дала лекарство. «Пусть хоть этот документ поднимет ему настроение!»

На прошлой неделе, когда у него снова прихватило сердце, они срочно вызвали скорую помощь из райцентра. Врачи прописали два вида лекарства. Но сколько ни уговаривали, Закир отказался ехать в больницу, упёрся наотрез. «В прошлом году лежал в феврале – всё равно толку не было...»

– Я записала, – сказала Лилия, показывая в блокнот. – А почему тогда у вас на доме нет красной таблички? – спросила она, глядя на Муниру. – У нас на улице, пока был жив Исмагил-бабай, на стене висела надпись: «В этом доме живёт ветеран Великой Отечественной войны Исламов Исмагил Исламович».

– И у нас будет, если повелит Аллах! Пока дел у руководителей много, ведь через несколько дней наступит великий праздник Победы! – оправдалась Мунира, взглянув на Закира. И он тихо кивнул, будто говорил: «Да, да». Мунира сказала: «Мы ещё узнаем об этом в сельсовете...»

Сестры переглянулись и начали собираться.

– Какие воспитанные, красивые девочки пришли, – сказала Мунира, доставая две шоколадки. – Это вам, детки! Спасибо, что навещаете стариков, интересуетесь их судьбой!

Девочки, довольные, улыбаясь и повторяя «спасибо», вышли.

Полежав немного в тишине, Закир вдруг заговорил:

– Мунира, нужно сейчас же ехать на кладбище, – сказал он, пытаясь подняться...

– Что случилось, душенька моя?

– Я решил показать это удостоверение отцу, матери... брату! Пусть знают, пусть увидят...

Мунира на мгновение замерла. «С его больным сердцем... как он дойдёт до кладбища? Это ведь целая верста...»

– Пошли, если ты будешь со мной, вдвоём как-нибудь дойдём и вернёмся! – настойчиво сказал Закир, словно прочитав её мысли. – Знакомая дорога – столько раз ходили. И лекарства мои возьми.

– Ладно, ладно, – согласилась Мунира, стараясь не расстраивать мужа. – Расстояние всего верста...

– А вот до твоей родной деревни мы вряд ли уже доберёмся Мунира.

– В Бишнарат что ли?.. Зачем?

– Чтобы найти надгробные памятники Нурислама, того Шакира и показать им этот документ – удостоверение ветерана! Они бы оба перевернулись в могиле...

– А почему нет? – подбодрила его Мунира. – Мы поговорим с зятем и на следующей неделе съездим. Я могилу бабушки приберу!

– Надо торопиться, пока Фарит не уехал в Сибирь.

– Ну что, душенька, пойдём – к нашим предкам!

В тот день они прошли путь между деревней и кладбищем вместе, поддерживая друг друга. День выдался ясным – безветренным! Казалось, даже само солнце, восхищаясь ими, ласково провожало стариков тёплыми лучами, пока они шли через поле к погосту.

Закир достал из нагрудного кармана свою книжку и опустился на колени у могилы Гульсары. Мунира, смахнув слезу, отвернулась.

– Вот видишь, справедливость все равно восторжествовала! – прошептал Закир, сдерживая слезы. – Мама, ты можешь гордиться – твой младший сын теперь честный солдат и ветеран Великой Отечественной войны! Из района приезжали, вручили. Жалко, что там тебя не было. Не веришь?.. Вот документ... печать, подпись... всё есть!

Такое же «объяснение» произошло и у могилы Гарифзяна. Закир замолчал, проводя рукой по холодному камню с именем отца.

Но в конце Закир сказал:

– Мы страдали, старались выжить в немецком плену в разные времена, отец. Когда мучили в Бухенвальде, пытали – я часто вспоминал твои рассказы о батрачестве у богатого немца Хейнемана, когда ты вёз меня в военкомат. Но, естественно, мне было намного тяжелее. Хотя, честно говоря, если бы не помощь антифашистов, которые помогали нам, мне лично в том числе, все закончилось бы трагично... Как бы ни было, ни плен, ни ад кромешный нас не сломили – мы оба вернулись отец, живыми!

Закир долго стоял, склонив голову у могилы Мухаммедзяна. Наконец он начал говорить.

– Мы так и не увиделись, брат, как жаль. Может, в «том мире», если он есть – встретимся, поговорим...

В этот момент – о счастье! – у ворот кладбища остановилась машина – синий «Жигули». Из кабины вышли Таскира с Фаритом и их сын, Зариф. Оказывается, они приехали поздравить родителей с Днём Победы! Не найдя никого дома, они в растерянности подъехали сюда...

Глава 4

«Пора!..»

Мунира с трудом, застонав, встала на ноги и направилась к воротам. «Вот и старость: даже сосну не навестила». Она подошла к могучему дереву у изгороди...

После Дня Победы, безутешно скорбя о пропавшем без вести сыне и тоскуя по покойному мужу, совсем измученная Гульсара принесла из леса две маленькие сосны. Первую они с Мунирой посадили в саду, другую – около могилы Гарифзяна, целое лето поливали их по очереди. Слава Аллаху: обе пустили корни, окрепли и пошли в рост. Гульсара, казалось, нашла в них самых близких людей – мужа и сына – гуляя во дворе, она ласкала «Закира», а когда приходила на кладбище – «Гарифзяна», делилась с ними секретами. «Понимаешь, дочка, как же мне легко на душе становится, – говорила она Мунире по вечерам. – Словно вижу их и общаюсь от души...»

А Мунира разве не любила эти сосны?.. Вот и сейчас: Закир мой, кровиночка моя, будь терпелив – душа и сердце чувствуют, жди, скоро!.. – говорила она, глядя морщинистыми руками по шершавой коре дерево. – Вот и сегодня я вышла навестить тебя и твою могилу. Но... мне надо пройти версту!.. Всего одну версту!.. Хорошо бы по дороге не упасть... Прошу у Аллаха терпения и сил!..»

Дойдя до ворот, Мунира обернулась и ещё раз взглянула на сосну. «Столетнее дерево! Может быть, это наше последнее общение... а может, и прощание – кто знает?.. Спасибо тебе! Вот уже пятьдесят лет ты украшаешь нашу деревню...»

Мунира, вышла на улицу, сделала несколько шагов, затем, схватившись за грудь, опустилась на скамью, которую когда-то выковал и украсил для неё Закир.

Глава 5

– Эй, красавица, горло пересохло, нет ли у тебя воды? – крикнул парень, поправляя пояс.

Девушка, проходившая мимо, будто только и ждала этого, сразу остановилась, услышав его голос.

– Конечно есть – айран найдётся!

– Айран?

Парень бросил косу и шагнул к девушке. Перед ним стояла незнакомая красавица с изогнутыми бровями, густыми черными волосами и глазами, в которых, казалось, отражалось само небо. Легкие ямочки на её щеках придавали лицу особенное очарование. Их взгляды встретились – всего на миг, но этого хватило, чтобы сердце замерло.

Девушка быстро опустила глаза и, стараясь не дрожать, начала наливать айран. Парень нетерпеливо облизнул губы. «Когда же она наполнит кружку, когда протянет её...»

Красавица, то ли смутившись, то ли по другой причине, отвернулась и протянула сосуд. Парень схватил не саму чашку, а её руку – и резко притянул к себе. Девушка даже не успела понять, что произошло: широко раскрыла глаза и уставилась на него в удивлении. Их взгляды снова встретились.

Перед парнем стояла та самая девушка, которую он искал в мыслях днём и ночью, о встрече с которой только мечтал – словно сказка стала явью. Он не мог оторвать от неё взгляда, потеряв дар речи.

– Отпустите... – наконец прошептала она, с трудом шевеля своими алыми губами. – Чтобы никто не увидел, чтобы не сглазили.

– Мы же на лугу, на сенокосе! – тихо ответил парень, чувствуя, как сердце бешено колотится. «Что это со мной?..»

– Хотя бы попробуйте айран сначала! Вы ведь гость!..

«Гость?..» Значит, она знала о нём? Он и раньше бывал в этой деревне – у деда с бабкой, ещё мальчишкой. А прошлым летом косил сено. Но эту «луговую фею» видел впервые.

– Неужели не помните?.. «Мы встречались в прошлом году у реки», — сказала девушка, странно улыгнувшись. – Вы поили коня, а я воду набирала...

– Да, да! – Закир вдруг оживился. – Вспомнил. Только тогда... там была совсем юная девчонка. Я помогал наполнять вёдра.

– Той девчонкой... была я!

– Пречистый Аллах, тьфу-тьфу, не сглазить бы.

– Да пейте же! – нетерпеливо сказала девушка.

Закир, покорившись предложению красавицы, взял чашку с айраном и залпом выпил до дна.

– Ещё, – сказал он, облизывая губы.

– Нет уж. – Девушка застенчиво опустила голову. – Осталось только на доньшке.

Парень даже не успел открыть рот, как она, смеясь, побежала по лугу в сторону деревни.

– Как тебя зовут, эй? – крикнул он вслед, сделав несколько шагов в ее сторону.

Словно только этого и ждала, девушка внезапно остановилась. Прошло мгновение. Ее имя теперь интересовало не просто из любопытства – юношу, всей душой и сердцем который потянулся к ней, с нетерпением ждал ответа. А она... в этот момент ясно осознала: вот он – переломный момент, когда решается судьба. Но отступить было некуда – ведь она ждала этой встречи целый год, – изнывая от тоски!

– Имя... Мунира!

– А я – Закир!

– Знаю, вы внук Габдуллы-бабая, учите детей в начальной школе села Узьян! – крикнула она и, рассмеявшись, зашагала к деревне. Через несколько шагов обернулась:

– Принести ещё айрану, Закир? – снова крикнула она, смеясь, и вдруг прикрыла рот ладонью. Как же она осмелилась обратиться на «ты» к тому, кого тайно любила? Но это он первым перешёл на «ты». Это «разрешение» сладким мёдом растеклось по сердцу Муниры. Поэтому она улыбнулась, будто разговаривала со старым знакомым.

– Наши деревенские парни, колхозники, косят сено у озера. Им тоже айран нужен. Подожди, Закир, скоро вернусь! – и пошла к деревне.

– Да, да, – кивнул парень, порывисто шагнув вперёд. – Не задерживайся!..

– Ладно!

– Смотри, Мунира! Если не придёшь... пуцу «сватов» вдогонку...

Уже издалека донёсся её звонкий смех, эхом разнёсшийся по лугу.

Тот самый Закир, что ещё недавно безмятежно косил траву, а теперь стоял и провожал взглядом самую дорогую ему девушку, будто в дальний путь. Удивительно! Чем дальше уходила Мунира, тем теплее становилось в груди, будто искры волшебства пробегали по телу. Теперь даже шелест травы, луговые цветы, непрерывное стрекотание кузнечиков – все звучало

для влюблённого юноши совсем иначе. «Что это со мной? Точно, как ясный день грянула молния!..»

Парень остро заточил косу, поплевав на ладони с новым рвением продолжил работу. День стоял сенокосный – жаркий и солнечный. Вокруг разливался аромат свежескошенных луговых трав и цветов. Всё ещё опьянённый неожиданной встречей, Закир долго не мог прийти в себя. Не жалея сил, косил и косил, с нетерпением ожидая возвращения Муниры – этой девушки, которую судьба подарила ему так неожиданно...

* * *

Бишнарат – большая деревня со своим сельским советом. Колхоз носит имя «Фрунзе». Расположен в двадцати верстах от села Узьян, у подножия гор. Это место, где родилась мать Закира Гульсара, здесь живут его бабушка Гульсафа и дедушка Габдулла. Несмотря на свой преклонный возраст, они держат коз, а потому до следующего лета нужно заготовить достаточно сена. Раньше этим занимался сам дедушка, но в прошлом году, заболев, он отправил весточку в Ишнарат: «Состарился, не приедет ли внук помочь?» Закир тогда только устроился работать в школу. В тот же день он запряг Жирянку и отправился напрямик сюда, в Бишнарат.

В этом году ситуация повторилась. Школьные каникулы в разгаре, погода стоит прекрасная – ни дождинки! Самое время для сенокоса...

У Закира в Бишнарате работы ещё много. Нужно не только скосить сено и высушить его, но и перевезти в деревню, уложить на сеновале деда. Жирянкой и телега тоже здесь – все в его распоряжении.

Вернувшись с луга, Закир распряг лошадь, вывел из оглобель, снял хомут через голову, собрал и внёс всю сбрую в сеновал. Потом вынул изо рта железные удила, чтобы Жирянкой мог спокойно пить и есть. Напоил, положил перед ним свежее сено и привязал за повод к телеге. Быстро умылся, перекусил и побежал в сторону клуба. Сделав несколько шагов, остановился и оглядел свою одежду. Старая рубаха, поношенные штаны... Хорошо хоть обувь выглядит сносно. Кто знал, что всё так выйдет? Одежда, в которой он ходит в школу, осталась дома, с собой не взял. Как же он появится перед Мунирой в этой... рабочей одежде? Эх, есть ли другой выход?..

Тёплый, летний вечер. В здании бывшей мечети с обрванным минаретом теперь клуб. Молодёжь собирается там. «А Мунира придёт? Ведь я не спросил, – выйдет ли она после того, как принесла айран? Или уже давно находится внутри?..»

У входа стояли трое парней. Закир поздоровался со всеми за руку и прошёл внутрь. Несколько девушек сидели за столом, листая книги и газеты. На стенах – размещены плакаты и лозунги. В этот момент Закир заметил Муниру в окне и вышел ей навстречу. На улице он ловко поймал её за руку и увёл за собой. Сзади слышались свист и смех парней.

Некоторое время они шли молча. Наконец Мунира вдруг спросила:

– А когда вы возвращаетесь в Ишнарат?

– Из Бишнарата в Ишнарат?

Оба рассмеялись.

– Если честно, ну... если дождя не будет и сено хорошо просохнет, то послезавтра...

– Эх, пусть бы дождь пошёл! – воскликнула Мунира и, словно ребёнок, припрыгивая, побежала вперёд. Вдруг остановилась, отвернулась и несколько раз слегка хлопнула ладошкой себя по губам. – Вот, язык мой – враг мой!

«Кажется, не хочет, чтобы я уезжал, – подумал Закир, довольно улыбаясь. – Или я неправильно понял?»

Они шли, взявшись под руки, болтая о чём-то, и незаметно вышли к окраине деревни, а затем направились к реке. Ночь была ясной, на небе мерцали бесчисленные звёзды, и сияла полная луна.

– Это место, где мы встретились в первый раз, – сказала Мунира с улыбкой.

– Я всегда за водой сюда прихожу.

Присев на корточки, она с наслаждением зачерпнула ладонью воду из реки и резко плеснула себе в лицо. На миг ее черты, озарённые лунным светом, заискрились тысячами дрожащих капель.

Закир не знал, как себя вести. «Кто мог подумать!.. Ведь в тот раз она была всего лишь девочкой-подростком. А теперь?..»

Недолго пробыли они на берегу, повернули назад. Близилась полночь. Едва зашли на улицу, как перед ними возникли две тени. Оба парня оказались на голову выше Закира.

– Так это и есть «учитель», друг Нурислам? – проговорил один. – Смотри-ка, смотри, как он нашу Муниру заморозил? Уже и под руку держит?

Мунира встала между Закиром и парнем.

– Шакир, не позорься!

– Мунира, помолчи, тут мужчины разбираются.

– Нурислам-абый, – обратилась она ко второму парню, – ты же мне родственник, что это...

– Ха-ха... Родство, это как нашему забору двоюродный плетень, да, – прервал Шакир, похлопав Нурислама по плечу. – А мы с ним – самые близкие, неразлучные друзья, верно?

Нурислам посмотрел украдкой, но не ответил. Он показался Закиру смирным, более рассудительным, чем его друг, но прислужливым.

Мунира проговорила:

– Тогда я сама с тобой разберусь! – и сделала шаг к Шакиру.

Закир мягко отвёл её назад, в более безопасное место.

– Шакир, пошли, – наконец сказал Нурислам, указывая на дом, напротив.

– Ты что, струсил что ли?..

– Вон, бригадир Фатих-абзый вышел из дома. Мне нельзя попадаться ему на глаза, сам знаешь, я же работаю в районном комитете комсомола! На следующей неделе должны перевести в милицию.

– У тебя, кажется, сегодня выходной?

– Ну и что ж! – Нурислам всё твердил своё. – Вон, Фатих-абзый вилы схватил, давай уйдём. Если он разозлится – голову не сносить! – его просто так не остановить. Ещё и ярый коммунист, его слово везде вес имеет!

– А тебя, «учитель», если ещё раз увижу рядом с Мунирой... Заранее предупреждаю: даже кости свои собрать не успеешь!

Шакир, сжав кулак, сунул прямо перед лицом Закира. Но гость ловко перехватил его руку, резко вывернул и повалил на землю.

– Остановитесь, хватит, прекратите! – рявкнул Нурислам повелительным тоном.

– Кто здесь? – крикнул Фатих, ускоряя шаг. – Спать не дают: забыли, что завтра на работу с рассветом?

Друзья тут же испарились.

– Фатих-агай, это я, – смущённо произнесла Мунира. – А это гость – Закир, внук Габдуллы-бабая!

– А-а-а, здорово! – сказал Фатих, протягивая руку. – А те, кто были? Опять этот Шакир? Петух драчливый!

– Он самый: как тень за мной ходит.

– А второй, кажется, Нурислам?.. Ещё комсомолец!

– Да, они ходят друг за другом, как ишак с козлом.

Фатих снова протянул руку Закиру.

– А ты, парень, внук Габдуллы-бабая, не поддавайся – будь осторожен: у Шакира ни Аллаха, ни совести! Идите спать, будет спокойнее.

– Спасибо, Фатих-агай, и вам спокойной ночи!

Мунира взяла под руку Закира, поспешно повела по улице.

– Вон тот дом рядом с переулком – Шакира, – указала Мунира, слегка подталкивая его. – А Нурислам-абый живёт вон там, внизу, у моста.

– А это – наш, – пошутил Закир.

– Знаю, – улыбнулась Мунира, – кивнула на небольшой дом с соломенной крышей, напротив. – Я там живу.

В этот момент со скрипом широко распахнулась дверь.

– Бабушка! – сказала Мунира шёпотом. – Наверное испугалась: я никогда так поздно не задерживалась.

– Пойдём, проведу тебя через улицу, – предложил Закир.

– Нет, нет, – отказалась Мунира и неожиданно прижалась лбом к его груди. И ещё тише прошептала. – Ждала так долго – целый год, дни и ночи напролёт!

Закир даже растерялся. «Как это понять?..»

Мунира резко подняла голову и снова слегка ударила ладонью по губам.

– Ох, этот мой неугомонный язык...

Закир всё ещё стоял, не в силах прийти в себя. Мунира торопливо проговорила:

– Иди, иди, спокойной ночи! – и успела добавить весёлым голосом. – Вон, и бабушка меня ждёт.

– Сладких снов!..

Во дворе его встретил Жирянкай, радостно зафыркав. Закир, довольно улыбаясь, подошёл к ней, поднял упавшее сено и забросил на телегу. Погладил лошадь, ласково потрепал гриву, затем забрался на сеновал и лёг. В доме было душно. В прошлом году он тоже спал здесь. У крыльца – летний загон для коз из ивовых прутьев, чуть поодаль – маленький навес для птиц. Там был закрыт петух и несколько кур.

Парень долго не мог заснуть. «Что за девушка, смелая, – всё, что на уме, то и на языке. «Сама с тобой разберусь», говорит!.. А эти её последние слова?.. «Целый год тебя ждала...» Как понять?.. Значит, она... А я...»

Мунира тоже долго ворочалась, не могла заснуть. Сначала лежала, стора от стыда за свои слова, сказанные глядя в глаза Закиру. «Что он обо мне подумал? Хорошо, если не решит, что я ветреная...»

С первого взгляда влюбилась она в Закира. Парень ещё тогда на реке, с едва пробивающимся пушком над губой, чем-то привлёк – и завоевал её сердце.

Бабушка начала расспрашивать ещё на пороге: «Кто он, что за парень?» Услышав объяснение, Малика тут же успокоилась. «Слава Аллаху, выбрала парня из хорошей семьи».

А Мунира, сирота – росла красивой, бойкой, трудолюбивой, всегда слушала свою бабушку. Её отец, Нигьматулла, служил старостой при царской России. Видно, у него были враги – кто знает, почему – но ещё в 1924 году он вынужден был покинуть родную деревню, забрав жену и четверых детей. Только младшую, двухлетнюю Муниру, бабушка буквально

вырвала из рук и оставила у себя. Уехали они ночью, в темноте – и судьба их до сих пор неизвестна. Впрочем, в те времена многие семьи бесследно исчезали...

Мунира, сколько себя помнила, все ждала от них вестей, а в этом году она даже уже вытянулась, грудь округлилась, стала статной девушкой. Услышав, что самый злой и непослушный парень в деревне, Шакир, стал волочиться за ее внучкой, бабушка начала беспокоиться. Поэтому, когда из Ишнарата приехали сваты, Малика без лишних слов дала согласие. Закир, взяв с собой отца и мать, приехал за Мунирой уже на следующий день.

– Вот тогда у дома Фатиха надо было его прикончить, – позже злобно бурчал Шакир, сидя у своего покосившегося забора.

– Ты что? – попытался образумить его Нурислам, округлив глаза. – Это же... преступление, опомнись!

– Ну и что? Зато Мунира была бы свободная. А этого Фатиха... я все равно накажу, вот увидишь. Этот «учитель», рано или поздно, все равно приедет сюда, вот посмотришь...

Нурислам ещё с прошлой осени начал замечать, что его друг Шакир влюблён в Муниру, которая была старше его по возрасту. Этот наглый, высокомерный и упрямый парень, учившийся классом младше, почему-то в присутствии Муниры терял всю свою дерзость и смелость. В школе и на улице, при встречах, Шакир робел и не мог выдать из себя ни слова при случайных встречах с ней... Нурислам, жалея друга, пытался намекнуть Мунире, шептал ей разные слова, но всё было напрасно.

В самый канун уборки Закир оседлал Жирянка и верхом отправился в Бишнарата отвезти продукты. «Берегись Шакира, родной, – предупредила Мунира провозжая его. – Он с ножом в кармане ходит...»

Сначала Закир заехал к деду с бабушкой. Именно в этот момент Шакир выследил его. «Говорил же я, вот и приехал».

Зять заскочил и к бабушке Муниры, передал гостинцы, справился о здоровье, на чай не остался – торопился в обратный путь. Уже на выезде из деревни, у моста, он заметил какое-то движение. Не поворачивая головы, сквозь ветви деревьев почувствовал на себе чей-то взгляд. Подъехав к мосту, Закир остановил Жирянка, слез с седла и заметил верёвку, натянутую поперёк дороги. «Ага...»

В этот момент из-под моста, с ножом в руке, вышел Шакир.

– Покойный отец учил: сильного не бойся, мстительного бойся, – проговорил он, плюнув в сторону. – Что, поджилки затряслись?... Когда увёз мою Муниру – петухом ходил!

– Твоя Мунира? Впервые слышу.

– Она моя, понимаешь, должна была быть моей, а ты влез между нами, скотина!

– Мунира никогда о тебе и слова не говорила.

– А Фатиха, ну того бригадира арестовали, слышал? – сказал, ухмыляясь Шакир. – Мешок семян с колхозного поля украл, сволоочь, нашли у него в сарае во время обыска.

– Понятно, это ты подстроил?

– Не лезь в наши деревенские дела. Ладно, сейчас и тебя в ад отправлю!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.